

ГОРОДСКИЕ ТЕКСТЫ

Городские тексты конца XX века

«ИП Коновалов»

2015

УДК 821.161.1«19»-9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-9

Городские тексты конца XX века / «ИП Коновалов», 2015

ISBN 978-5-9905951-4

«Эти надписи, эти мимолётные документы эпохи – вне петербургской классической культуры. Однако этот петербургский текст – плоть от плоти Петербурга; а этот жанр – подлинней классических петербургских текстов, потому что написан самой жизнью...»

УДК 821.161.1«19»-9

ББК 84 (2Рос=Рус)6-9

ISBN 978-5-9905951-4

, 2015

© ИП Коновалов, 2015

Содержание

...без начала и конца...	6
1989 год	8
Начало 1990-х	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Городские тексты конца XX века

© К. К. Севастьянов. Автор-составитель, 2015

© С. Г. Васильев. Предисловие, 2015

© Р. А. Храмцова. Предисловие, 2015

© А. Б. Филиппов. Фотографии, 2015

* * *

Эти надписи, эти мимолётные документы эпохи – вне петербургской классической культуры. Однако этот петербургский текст – плоть от плоти Петербурга; а этот жанр – подлинней классических петербургских текстов, потому что написан самой жизнью.

Авторство этого жанра принадлежит петербургскому «маленькому человеку», населяющему Город, как птицы и звери населяют лес. Но вот санитарными чистками лес превращен в парк, тропинки заасфальтированы, трава выкошена. Знакомые деревья вроде остались и даже вылечены и подстрижены, а вот птичьего щебета что-то почти не слышать.

Нынешний Город успешно осваивает язык просвещённой рекламы, но он почти перестал смотреть на тебя, разговаривать с тобой как прежде. Или мы перестали слышать друг друга.

Тогда, в 1990-х Город не стеснялся говорить языком подворотни, а подворотня – языком поэзии. Политика и выживание, любовь и абсурд, игра и ненависть, пошлость и философские озарения. В этих недолговечных и незатейливых документах ушедшей эпохи – Питер до гламура, до стеклопакетов и бутиков, живой маргинальный Питер – голодный, нежный, простодушный, страшноватый, мучительный, опасно открытый.

В последние десятилетия Петербург стал опрятней, формальней, поверхностней и глуше. Нарядные фасады и цветники вместо облупившейся штукатурки и грязных подворотен – казалось бы, кто против! Город умыт и оштукатурен, он сделался куда приличнее, но словно лишился опасной подлинности жизни.

Медленно но верно прихорашиванием охватывается всё: пустыри, окультуренные детскими и спортивными площадками; старые лестницы, запертые домофонами и зашитые в гипсокартон и пластик; приватизированные и огламуренные до неузнаваемости дворы; горные страны брандмауэров и пёстрых крыш, осовремененные мансар-достоительством; помертвевшие в стеклопакетах живые глаза Города – окна...

Открываясь на потребу туристам, Город закрывается от своих самых преданных, самых любящих, чаящих найти в нём родную душу, не пускает на свои лестницы и крыши (разве только за деньги), отрезает им последние живые спуски к Неве новыми набережными с ревущими машинами. Чем больше открыточный, фасадный, туристический Петербург походит на Европу, тем дальше он уходит от опасной Любви и Боли, довольствуясь Любованием и Постановкой проблем.

Не должно и не может быть конфликта между мета-Петербургом и повседневным городом, пока населяющие его «маленькие люди» доверяют Городу самые потаённые чувства, ощущая его своим настоящим домом, изливают душу и оттачивают слог на его стенах.

Сергей Васильев

...без начала и конца...

Волга впадает в Каспийское море. Солнце русской поэзии – Пушкин. А Ленинград-Петербург – город-иллюстрация. А как иначе? История государства Российского; три века русского искусства; чего уж про литературу говорить? – все знают сызмала; что «давно страницей говорит Нева». Петербург – «одна великолепная цитата» в текстах экскурсоводов; имя которым – легион.

А город этому гламурно-туристическому бренду великодушно не сопротивляется. Город не возражает. Он понимает; что нужно украшать фасад и держать лицо. Он просто начинает прятаться, словно прорастая своей настоящей жизнью внутрь. Он оставляет своих авторов – архитекторов и литераторов, создававших его образ, – искусствоведам и филологам. Витрину – скользящему по ней поверхностному взгляду туриста. Он начинает писать свой текст, беря в соавторы любого, кто готов узнавать его тайны не из праздного любопытства.

Много лет я имею дело со словом. Я нисколько не писатель, но и не просто читатель, в силу моей профессиональной деятельности привыкла обращать внимание на то, в какой ситуации происходит встреча со словом, как оно живёт-бытует. Мне очень нравится со словами играть и наблюдать за тем, как упруго они сопротивляются или терпеливо подчиняются употреблению, как меняют свои значения и начинают мерцать новыми смыслами в поэтических текстах. Словосочетание «петербургский текст» пришло в мой словарь из научной сферы, пришло не так давно. Оно не сразу стало понятным, потребовало внимания и освоения, но доставило огромное удовольствие сознанием моей причастности к знанию, скрытому от непосвящённых. Интересно, что практически одновременно с этим процессом постижения сакрально-научных смыслов произошла встреча с человеком, который открыл мне, прожившей в этом городе много лет и, казалось, знавшей его подробно, совсем другой текст города. Этот петербургский текст был набран совсем другим шрифтом, другие картины его иллюстрировали, и обложка его была стилистически иной. Да и прочесть этот текст можно было, только настроив особым образом оптику. Вот этому настраиванию – краеВИДению (которое оказалось не менее важным, чем краеВЕДение) и учил меня Константин Севастьянов.

Костя показал не другой город, а иное его измерение, и петербургский текст с тех пор стал для меня не просто многозначным понятием, не просто обрёл объём – к трём привычным координатам добавились другие – временные и личностные. Он превратился в текст, который стал сначала настраивать, а потом строить меня.

А потом оказалось, что это текст, который не имеет границ. И не потому только, что город велик, и велико количество посвящённых ему страниц. Это текст, который пишет сам себя, проступая на стенах домов, в подъездах, на тротуарах.

Этот текст – эпос, он запечатлел ту историю, которая была – Мы и которой не найти теперь в учебниках и аналитических статьях: «Сижу в мастерской (разве сейчас уже ночь?) В это время поворачивается колесо истории» (На дверях в парадной, красками), «Мы и здесь были» (Петропавловская крепость, Трубецкой бастион)... Эти строки – настоящая поэзия, потому что в них звучат свои мелодии – ««Я жив, ну и что...» (на стене)»; на штукатурке печной трубы, на крыше дома – ««Реченька молчаливая» Осень», и они – это шар, внутри которого «имеется другой шар, значительно больше наружного». А сколько в этих записях драматических завязок.

Эти городские строки неумирают. Они живут жизнью средневековых текстов, которые, вследствие дефицита и дороговизны пространства для их размещения, уступали место другим. Так и нацарапанное в питерском подъезде 30 лет назад или написанное краской на стене дома во дворе на Петроградской не исчезает – закрашивается, но своим неотсутствием, неисчезновением превращает просто текст в палимпсест.

Как здорово, что Косте Севастьянову пришло это в голову – бродя по городу, гуляя по нему, пробегая к метро, эти записи бережно собирать, чтобы мы снова могли вернуться и «в город, знакомый до слёз», и к самим себе.

Есть в поэзии такой странный жанр – отрывок. У него есть внешние признаки, которые перечислять сейчас неинтересно, но главная его особенность в том, что время в нём и открыто в вечность, и это делает бесконечным пространство. Эта книга – отрывок из дневника, который ведёт Город и который продолжается, длится... Это – Городские тексты.

Римма Храмцова

1989 год

Квартал нумерованных Аворов на Петроградской. В глухом 11-м дворе, крупная надпись на стене. Поверх полуистёршихся «Вася+Лена», поверх матерщины и рожниц. **«Володя Высоцкий оставил в жизни яркую черту»**

Есть, кроме единственной арки, еще один выход из этого двора. Заглядывая в парадные, в одной из них увидел солнечный свет, будто в конце тоннеля. Кольхание листьев, световых пятен. Вихрастый силуэт мальчишки в майке и шортах. Июль.

Тогда же и примерно там же. Надпись под аркой:

«Помойка ликвидирована»

«Андреев Боря – козел»

Во дворе на Петроградской:

«Мастерская маляров»

Надпись на электрощите:

«Боря иди домой срочно»

На электрощите:

«Так завещал ВЕЛИКИЙ ЛЕНИН!»

Надпись на заборе, аэрозолем:

«Вы Люди?»

«Мы курим только БЕЛОМОР»

«И козы болдеют под музыку»

«Кормить голубей запрещено»

«Выгул собак запрещен»

Ярко красным, крупно, на стене:

«БЫК!»

На кирпичной стене:

«Прощай»

Под аркой:

«VIVALAMUR!..»

«Кинчев – еврей»

На электрощите, штатная табличка:

«Высокое напряжение (зачеркнуто) для жизни!»

Под аркой:

«Бей жидов». Зачеркнуто и ниже: «Дураки»

«SEX PISTOL – объект насмешек»

«Нет Войне!»

«Прощайте волосы и бабы»

«Андрей. Я люблю тебя!»

Крупно: «Я»

«Курение – вред»

«Вова бабник»

«Перестройке скажем нет»

«Подаражание мяса грозит нам людоедством»

«Осторожно крутые мальчики (и девочки)»

«Нас всех тошнит»

«Прыщ ананист»

«Миру-мир»

«Настя – помойная яма и помойная крыса»

«Пусть умрет в тяжелом роке гнилой ансамбль МОДЕН ТОКИНГ»

«Наше время придет»

«Каморка дяди Миши»

«Бивням принадлежит мир!»

«Эй, проходи, пока не получил!» (под аркой)

«Слава КПСС»

«Я люблю Кинчева»

«Гласность – огрызок свободы слова»

«Кооператив Любовь» (в телефонной будке)

«Нет и все» (на стене)

Надпись во дворе около Мариинского дворца:

«БАК! Не ставь!»

«ХРУСТАЛЬНОЕ СЛУЧИЛОСЬ»

(у Московского вокзала)

«ВНЕЗАПНЫЙ СЫЧ»

Начало 1990-х

На углу канала Грибоедова и Казанской пл., на стене:

«Вот кто-то поет, а я должен играть, и с каждым днем все глупей»

Пушкинская, 10, на стенах:

«СВОБОДНОЕ ДАДЗЫБАО»

Сто лет его били и унижали, оправдывая себя его тупостью. За сто лет он «поумнел», и те, кто его бил наконец-таки добились своего – они отрубили-таки сук, на котором сами и сидели. И упали и кричат, а он прошел по ним и не заметил Их. Он раздавил Их. На его ветвях вылупились цветы и молодые зеленые листочки.

Наверное в нашей жизни не заложено никакой ценной информации. Поэтому и ценны летописцы не анализирующие факты. Другое дело – мемуары... (Ал. Ян)

Фрейд – не мессия, он лишь человек, цветочек язычечек. Кто хочет говорить на его языке? Кому удобна языковая универсальность? Кто будет читать его мемуары? Кто будет читать мемуары?

Если ты хочешь, чтобы работа жила в веках, не доводи ее до конца (Ал. Ян – SUPERSTAR)

Благородная кошка-собака на помойке ест Гавно! (Ал. Ян)

Капля за каплей истекает сила жизни. Кап-кап, капают весенним дождем грезы Юности. Капля за каплей я истекаю из этого мира слов, из этого мира снов, из этого мира жажды и голода. Вот и нет меня среди Вас – вот и нет Вас во мне! Нет мне покоя, так и скитаюсь среди звезд.

Тот, кто идет твердой поступью военного марша по земле моего детства, голоден и жаждет тепла, этот монстр с гордо запрокинутой головой считает звезды по пальцам. А те, кто выжил, словно блохи пытаются допрыгнуть до его шевелюры, но не поднимаются выше бедер. А жить то хочется, ой, как жить хочется!

Сахар – как ЛСД, только маленькая! (Ал. Ян)

Вот я и не возвращаюсь к родному очагу! Вот я и пишу мемуары, состоящие из одних черных точек:.....

«Пишу

кар -

кар -

тины

Для кого?»

«Живу на земле среди людей»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.